

Ирина Пиляр

Гельсингфорские перезвоны

Ирина ЮРЬЕВНА Пиляр

Гельсингфорские перезвоны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651693

ISBN 9785449686961

Аннотация

Отзвуки Гельсингфорских перезвонов разлиты по всему произведению. В начале читатель знакомится с главными персонажами книги – звонарем Милкой, финской девушкой Миркой и мальчиком Антуаном... «Заметки о старом звонаре» – это продолжение и углубление начального повествования. Здесь появляется один удивительный человек, философ, педагог и музыкант, создавший впоследствии колокольную композицию «Гельсингфорские перезвоны».

Содержание

Милка и ее друзья	5
Заметки о старом звонаре	12
Колокольное дерево	13
Урок	16
Старый звонарь	18
Белочка-звонарочка	23
Морская звонница	26
Колокольные думы и диалоги	30
Кто важнее?	35
Ночной зазвон	38
Куда улетает звон?	41
Первое знакомство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гельсингфорские перезвоны

Ирина ЮРЬЕВНА Пиляр

Редактор Людмила ГРИГОРЬЕВНА Маковейчук

Технический редактор Ирмели Таласйоки

Художник Юлия Кольга

© Ирина ЮРЬЕВНА Пиляр, 2019

ISBN 978-5-4496-8696-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Милка и ее друзья

Жили-были две закадычные подруги. Мирка и Милка. Мирка была финская девушка, а Милка была русская бабушка. У Мирки был русский муж, а у Милки был любимый финский колокол – Благовестник. Еще у Мирки и ее русского мужа был прелестный сынишка с романтичным французским именем Антуан.

Милка проникновенно звонила в свой Благовестник, а Мирка с мужем проникновенно воспитывали своего сына. Им всегда было страшно некогда! И все же, эти обстоятельства были отнюдь не помехой большой и нежной человеческой дружбе.

Шли годы... Антуан подрастал, а Милка старела. Она так

давно (еще до дружбы с Миркой) и так самозабвенно звонила в свой любимый финский колокол, что забывала обо всем на свете. И свое прошлое, и свои корни, и как сама-то очутилась здесь, на финской земле. Звонарка и звонарка, одним словом. Даже не Милка, а просто звонарка!

Мирка была очень хорошей и заботливой финской подружкой Милки, и очень любила справедливость. Правда, иногда она грустила и даже немного плакала... просто так, от полноты своего загадочного и мягкого финского сердца. Идет ли она по улице или читает дома толстую книгу, как вдруг накатит эта самая грусть, и покатятся-полюются слезы из больших и выразительных, небесного цвета Миркиных глаз. Муж подойдет, поцелует – слезы высохнут, грусть исчезнет.

«Надо помочь Милке вспомнить ее прошлое, – подумала однажды Мирка, не зная, как отогнать от себя приступ грусти и обострившееся вдруг чувство справедливости. – Посоветуюсь с мужем и сыном,» – решила она.

Вечером, за семейным ужином, все трое долго и обстоятельно обсуждали поставленную Миркой задачу. Папа предлагал пойти к самой Милке и попытаться настроить ее на воспоминания, поговорить с ней по душам. Вдруг что-нибудь да вспомнит! А сын Антуан считал, что надо расспросить Милку, откуда у нее этот большой финский колокол и почему она так заботится о нем?

В ближайшую субботу Мирка с Антуаном (папа приболел) отправились в православный храм, где обычно прово-

дила время Милка вместе со своим колоколом – Благовестником. Скоро должна была начаться вечерняя служба – всеобщее бдение, и Милка готовилась звонить в любимый Благовестник, созывая всех верующих на службу в маленькую и уютную русскую церковь.

Что-то задержало маму с сыном в дороге, и они торопливо шли в храм уже под мерные удары Благовестника. Глубокое и величественное звучание проникало в самое сердце. «Хорошо-то как!» – подумала Мирка и... заплакала. Антуан поцеловал ее в мокрую соленую щеку (как это делал отец), Мирка просияла еще влажными глазами, и они уже весело и дружно стали подниматься по лесенке на Милкину колоколенку.

Милка, закрыв глаза, звонила и звонила, отсчитывая удары. Мирка решила ей не мешать и больше изучить большой колокол. Он был очень старый, гораздо старше Милки. Его старинные бронзовые бока покрылись патиной; железные хомуты, которыми колокол прикреплялся к балке, заржавели от времени. Вдруг Милка разглядела странную вязь по нижнему краю Благовестника. Слегка стертые, с «ятями» (Ъ) на конце, просвечивались какие-то русские слова.

Милка незаметно толкнула Антуана, чтобы он тоже обратил внимание на надпись. Русским языком они оба владели очень хорошо, также, как и русский папа почти без акцента говорил по-фински. Еще раз пристально взглядевшись в надпись, они прочитали: «Сей колокол лит на заводе Фин-

ляндского и уже не одно поколение переходит в дар от представителя к представителю древнего баронского рода...» Далее следовали трудно произносимая фамилия с немецкой частицей «фон», маленьким гербом с короной и пеликаном, и конечная фраза: «Для использования в церковных звонах». Мирка и Антуан с пониманием переглянулись между собой и не стали Милке мешать...

Они стояли в теплом, намоленном храме. Каждый из них просил о чем-то о своем. Мирка всем сердцем желала здоровья и счастья своим близким, включая Милку. У Антуана была тайная мечта завести собаку и гулять с ней у моря. Там, недалеко, жили его любимые бабушка и дедушка, к которым он приезжал каждые выходные. С ними было весело и интересно.

Молитвы согрели сердца мамы и сына. Но Мирка не плакала, как обычно, от наплыва чувств, – она улыбалась...

И Милка-звонарка, русская бабушка, тоже вдруг ощутила радость. Какое-то тепло подступило к сердцу, потому что вспомнился ей вдруг смешной и трогательный мальчуган, Миркин сын, с певучим французским именем Антуан, которому ей вдруг так захотелось помочь.

...Подходила к концу вечерняя служба в православном храме. Люди медленно и задумчиво покидали церковь. А по всей округе, достигая морского побережья необъятного Финского залива, лились и лились торжественные звоны верного и неизменного Милкиного друга – финского Благо-

Милка не помнила прошлого, потому что всей душой прилепилась к настоящему. С ней рядом, точнее на одном дворе, трудился еще один старый звонарь. Милка восхищалась им с его первого появления в их церкви. Несколько лет назад, холодным зимним днем, вдруг объявился странный седовласый человек, который подъехал к церковной ограде на такой же старенькой, как и он сам, машине серо-белого цвета. Оказывается, о его приезде было известно всем, кроме одной Милки. Подошедшие на помощь крепкие ребята стали вынимать из багажника и уносить на церковный двор золотистые колокола, один за другим, начиная с маленьких и кончая колоколами побольше. Последними они несли разобранные колокольные стойки и какие-то железные решетки.

Вскоре во дворе выросла небольшая наземная звонница, огороженная беседкой из железных решеток, с семейкой колоколов...

– Иннокентий, – представился незнакомец и всем поклонился.

Милкино хозяйство, состоящее из одного большого старинного колокола, помещалось в крохотной колоколенке наверху храма. Ей приходилось вылезать на крышу и двигаться к невысокой ограде, внутри которой, прикрепленный к бал-

кам, жил и трудился на пару с Милкой любимым благовестник. Много лет подряд Милка одна звонила в свой единственный колокол по выходным дням и праздникам.

Новому звонарю она обрадовалась несказанно. Милка трепетно относилась к многозвучью колоколов, которые оказались хорошим подспорьем к ее древнему благовестнику.

Несмотря на всю сдержанность и немногословие Иннокентия, они с Милкой сразу хорошо поняли друг друга и благовестили вместе. Звук сливающихся воедино больших колоколов становился еще объемней и торжественней. Трели и трезвоны же исполнял один Иннокентий.

Милка начала вести дневник, в который записывала все премудрости звонарского искусства, услышанные от старика. Постепенно Милка узнала

некоторые подробности из жизни нового знакомого, и ей показалось важным делом посвятить свой дневник судьбе этого одаренного человека и Звонаря с большой буквы. Конечно, были моменты, когда Милке приходилось что-то дорисовывать в своем воображении, но в целом жизнеописание звонаря выглядело вполне правдоподобным и опиралось на реальные факты.

Милка назвала свой дневник «Заметки о старом звонаре». Заполняла она дневник не быстро, но очень добросовестно, по мере узнавания новых и новых подробностей. Иногда она просто записывала свои наблюдения за Иннокентием в настоящее время, домысливая его чувства. Происходили и со-

бытия, которые, конечно же, тоже попадали в дневник.

Заметки о старом звонаре

Каждая заметка в дневнике имела свое собственное название. Так было легче ориентироваться во всем многообразии написанного. Первую заметку Милка назвала...

Колокольное дерево

В одной далекой северной стране было очень много больших озер и озер поменьше, глубоких извилистых рек и совсем маленьких ручейков.

Возле одного такого светлого ручейка росло странное дерево. Дерево, похожее на все другие деревья, большое и ветвистое, но все усеянное полевыми колокольчиками, которые непонятно как выросли на стволе дерева. А на ветках этого же дерева висело много других колокольчиков, уже не цветов, а самых настоящих звучащих и раскачивающихся при сильном ветре, сделанных руками неизвестных мастеров литейного дела.

Старожилы этих мест, как правило, очень старые, рассказывали, что вроде бы жил здесь один мальчик-подросток. Мальчик как мальчик, но немного чудной. Однажды он принес на берег ручья саженец и посадил его. Ручей был старый и уже высыхал, а растущий саженец неожиданно помог ему, и ручей выжил. Другие вспоминали, что этот мальчик был учеником звонаря и помогал тому звонить на колокольне очень старой N-ской церкви. Мальчик повсюду таскал с собой маленькие колокольчики на прутике, и везде звенел ими или пытался воспроизводить те ритмы, которым обучал его старший звонарь. У мальчика получалось хорошо, потому что он любил звоны, любил высоту колокольни и хотел

быть похожим на своего учителя.

Как совместить эти два события – посадка дерева и колокольчики на нем – сказать трудно, но люди не пытались фантазировать на эту тему, и объясняли все просто. Мальчик оставил (скорей всего случайно) прутик с колокольчиками возле своего саженца. И забыл про него. А, возможно, кто-то побеспокоился о пропаже и повесил колокольчики на маленькую веточку, чтобы тот, кто потерял, сразу же нашел пропажу или услышал позванивание издалека...

Все дальнейшее было еще проще. Мальчик уехал из тех

краев, а дерево его росло и росло.

И стало традицией приходить к нему каждый год и вешать на его ветви маленькие колокольчики. Так прощались с родными местами все вырастающие мальчики, жившие неподалеку. А дерево таким образом получило свое необычное название – колокольное дерево.

Урок

Сначала прозрачный звон: дзинь-дзинь – в три колокольчика. Вместе и по очереди, двумя и одним, в самых разных сочетаниях. Их называют зазвонные колокола, они зазывают и напоминают о чем-то важном.

Идет вступление, потом начнется звон во все семь колоколов, и потянется народ на утреннюю воскресную службу – в православный русский храм.

«Бом-бом-бом», – отбивает мерные удары самый большой колокол на звоннице. Это низкочувный и торжественный благовестник. Все в природе замолкает, когда слышит его голос. Птицы прекращают свой щебет, ветерок стихает, а белка мелкими прыжками пробирается по деревьям к звоннице и замирает на ближайшей березе. Тишина будто вздрагивает от гулкой и медленной, пробирающей до основания, колокольной поступи... Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять...

После сорока ударов вступает подзвонная группа средних по размеру колоколов, которых, как и зазвонных, тоже три. «Второй-первый, третий-первый, первый-второй и... быстро-быстро все подряд». Внутри звучит ритмический распев:

СЛА-ВА – СЛА-ВА! СЛАВА ТЕБЕ, – БО-ЖЕ!

Молитвенный лейтмотив проходит через весь трезвон, в котором соединяются маленькие, средние и большие колокола, и, кажется, все живое вокруг вбирает в себя эту глубину и чистоту радостно призывающих колокольных молитвенников.

Старый звонарь

Никого, кроме старого звонаря, на церковном дворе не было. Служба давно закончилась. Старик возился с системой управления колоколами. Несколько раз перевязывал узлы на зазвонных, плотнее натягивал тросы между пультом управления и средними колоколами; вслушивался в звон, закрыв глаза, и снова что-то подстраивал, налаживал, добиваясь безупречного звучания. Он и не слышал, как к нему подошла группа людей.

«Дедушка, мы шли мимо и слышали необычные звуки. Красиво! Что это было?» – Они с удивлением рассматривая маленькие золотистые колокола и с потемневшими от старости боками колокола покрупнее. «Никогда не приходилось так близко видеть колокола,» – смущенно произнес кто-то из группы. «А я и звучания такого стройного не слышал, – раздался второй голос, – в наших кирхах колокола не поют хором, а только по одиночке». «Красавцы, и все такие разные...» – добавил третий голос.

Старик мысленно расставил все голоса по партиям, определив два баритона и один бас. Говорить ему не хотелось, вопросы казались праздными и не серьезными. Он продолжал свое дело по настройке колоколов и не поворачивался к присутствующим.

«По-моему, старик занят делом и не стоит его отвле-

кать», – посоветовал друзьям первый голос. «А так бы хотелось узнать, как можно одновременно звонить во все... семь колоколов – быстро подсчитал их количество второй голос. – Кто вообще учит такому делу?»

«Природа учит и учителя, – неожиданно заявил третий. – Видите, у него висит картинка с изображением. Святой какой-то среди цветов на лесной лужайке. А цветов-то, цветов – море!» «Так это ж колокольчики!» – угадал первый голос и засмеялся...

«Смейтесь-смейтесь, – подумал старый звонарь, – а ведь последний „бас“ оказался догадливей двоих „баритонов“, – вдруг заключил он. – Если первый толчок в ученике закладывается учителем, и основы игры им усвоены, дальше дело – за собственным сердцем, восприятием мира, природы и умением слушать. Не последние в этом учительском ряду – и сами колокола...» Звонарь прищурясь посмотрел на непрошенных гостей. Подслеповатые глаза его казались выцветшими, почти молочного цвета. Неожиданно он жестом подозвал гостя-обладателя самого низкого голоса – и показал ему, как извлекаются звуки из самого большого колокола.

Нога звонаря мягко и пружинисто, с равными интервалами, нажимала на педаль благовестника. Уступив свое место гостю, звонарь беззвучно продолжал отбивать такт правой ногой. Подошли поближе и два баритона. Старик показал им партию левой руки на натянутых как струны тросах,

управляющих средними по величине колоколами. Гости поочередно попробовали сыграть так, как показал им старик. Тот, кто пробовал вторым, не захотел останавливаться, потому что вдруг услышал сочетание своей игры с равномерными ударами большого колокола и... заслушался. И тогда старый звонарь легко подхватил связку зазвонных колокольчиков и украсил все звучание высокими прозрачными трелями...

Гости ушли очень довольные. А старому звонарю предстояло закончить начатое дело. «Учить... учиться, обучить – обучиться, – не одно ли и то же? Один учит ремеслу, другой – терпению, а то как же! – Все учатся друг у друга чему-нибудь!» Старик привычно рассуждал сам с собой. И вдруг мысль поменяла русло. «Чему же я от вас научился, чего постиг, дорогие мои?» – звонарь обвел взглядом золотисто-темноликий коллектив своих верных друзей.

Мягкая неожиданная трель возникла в воздухе и что-то нежно пропела в ответ. Рука старика по-прежнему сжимала связку тройки малых колокольчиков, но была неподвижна.

«...Наверное, я научился хорошо *слышать*, – тут же сам себе в ответ прошептал старик. Он устал думать и захотел услышать собственный голос. Но так, чтобы слишком не нарушать тишину. – *Слышать* даже то, что не звучит... – продолжал нашептывать он. – Как сейчас! *Они* позвонили не вслух, а про себя, – а я услышал. Ведь и *они* слушают меня, иногда слушаются, иногда нет... Мы слушаем друг друга и открываем настроение, и звучим в унисон, радуемся или грустим... – Старый звонарь сыграл окончание звонов, три аккорда подряд, и мысли свои тоже подвел к финалу. – В чем – задача звонаря...? Она вся сводится к тому, чтобы не помешать взаимному процессу слушания, вниманию к внутреннему состоянию, соответствующему данной минуте вечного богослужебного круга... А все остальное – ремес-

ло, техника, тренировка... Господи, помилуй!»

По тропинке, ведущей от церкви в город, медленно удалялась фигура в длинном сером плаще... Колокола грустно смотрели вслед и молчали, и слушали тишину – вокруг... и в самих себе.

Белочка-звонарочка

А она уже тут как тут! Прыг-прыг, с ветки на ветку, с дерева на дерево, царап по стволу... и вниз, на травку. Маленькая, пушистохвостая, с глазами-бусинками, приходящая в какое-то особенное волнение и движение, когда бьют колокола. Ее совершенно не тревожит ни громкость звучания, ни какие-либо сотрясения воздуха. Она приближается почти вплотную к колокольной стойке и много раз пробегает под колоколами, туда-сюда, туда-сюда, словно в некоем танце, целиком подчиняясь звукам!

«Вот, у меня и поклонница появилась, – думает звонарь, наблюдая за скачками и пробегами лесной гостьи, – белочка-распевочка, белочка-звонарочка! Как слышит ритм и как красоту чувствует!»

И вновь звучат, заливаются колокола. Зеленые кроны сосен и берез окружают православный храм и звонницу со всех сторон, но не скрывают от глаз звонаря четко проступающую сквозь них ярко-синюю полосу неба и плывущие облака.

А в голове мастера рождаются все новые и новые ритмические фигуры, и узоры, которые тут же воспроизводят умелые и натренированные годами руки. Благовестник, как всегда, четко отбивает такты, живя вроде бы своей отдельной жизнью, на самом же деле выстраивая мерный поступательный ход всего звона. И вовлекается душа в этот удивительный процесс импровизации, и уже вся она охвачена колокольной композицией, тем простым, почти стихийным звучанием, которое рождается в процессе общей молитвы и взаимодействия колокольного ансамбля и звонаря.

А что же происходит с пушистой гостьей? Пробежав по средней перекладине стойки, чуть не касаясь колокольных языков, создающих трели и трезвоны, белка спускается на лавку и что-то ищет. Вот и медная баночка с синей крышечкой. Крышка лежит в стороне, в баночке несолёные арахисовые орешки.

Какое-то время белочка-поклонница звонарского искус-

ства еще находится во власти звона и не приступает к трапезе. Потом не выдерживает. Цок-цок, орешек за орешком исчезает из баночки, только шелуха отлетает в сторону. В цепких коготках лесной гостьи крепко сидит лакомый круглыш, а острые зубки быстро-быстро стачивают каждый орех сверху донизу...

Пора и звонарю прерваться. Обеденный час. Время бежит незаметно...

Морская звонница

В плеске волн своя мелодия, свой ритм.

Звонарь любил сидеть на берегу моря, на каком-нибудь отшлифованном плоском камне, смотреть в открытое водно-серебристое пространство и слушать стихию. Плавно накатывает волна-плеск! – пенится у берега; за ней – вторая, третья... плеск-плеск... и все с одним и тем же интервалом, с одинаковым шуршанием о прибрежную гальку. Прилив-отлив, снова прилив... Кажется, что море тихо мурлычет самому себе что-то под нос, не обращая ни на кого внимания. «Плеск-плеск, прилив-отлив...»

Сла-ва, сла-ва, Гос-по-ду сла-ва! – Подбирает звонарь ритмический рисунок к плеску волн. И стихия славит Творца, и плавно в такт ударяет волнами о берег. Морской благовест!

Скоро покажется на горизонте большой белый корабль. Звонарь выбирал всегда одно и то же время для прогулки и уже знал, какие события будут разворачиваться перед его глазами. Корабли ходили здесь строго по расписанию.

Вот слышится гудок и следом один громкий удар в колокол. «Хорошо рында звучит, как набат!», – почти автоматически проносится в голове звонаря. Показалось величавое белоснежное чудо. Многоэтажное корабельное существо, наполненное жизнью. Сколько разных судеб, сколько

сердце бьется в каждой каюте, за каждым маленьким, почти невидимым оконцем иллюминатора!.. Быстрее побежали волны к берегу, вода будто вся всколыхнулась, запенилась и с шумным плеском вырвалась на сушу. Морская звонница использует всю свою голосовую палитру, и звуки моря затопляют бесконечно синий простор вокруг.

А вот и неизменные корабельные сопровождающие – чайки! Они либо зависают над палубами, либо быстро-быстро облетают корабль с разных сторон, ожидая угощения от путешественников. Хоровод чаек – белые круги над водой! Ха-

рактерные гортанные крики птиц, как ни странно, ничуть не нарушают гармонию звуков, наоборот, удачно вплетают в общее многоголосие свой причудливый рисунок.

Звук способен заполнить любое пространство, подчинить себе даже внутренний настрой. Из грусти можно вынырнуть и взбодрить душу колокольной россыпью, например, когда бегут, догоняют друг друга и снова рассыпаются в разные стороны веселые звоны, звоны-попрыгунчики.

Весь погруженный в неспешные думы, Звонарь и не почувствовал сразу капли дождя, усеявшие плоский камень, на котором он сидел, да и его собственную одежду в придачу. Дождь был в этих краях еще одной стихией, которая врывается в жизнь безо всякого предупреждения, заявляя о себе в полную меру. Звонарь заспешил в храм, под крышу своей звонницы. Скоро вечернее богослужение!

По металлической крыше колокольной беседки звонко били капли усилившегося дождя. Благовестник включился в перестук капель. Сорок призывных ударов, сорок раз прочитанная Иисусова молитва. Хорошо! Звуки природы, звоны колоколов! Стихия и ритм... Первозданность и творение древних мастеров-литейщиков, вдохновленных пророческим сном святителя Павлина Милостивого! Сколько в них общего, стихийного и недоступного, уносящего мысли от земных забот! Но лишь звоны колоколов безусловно напомнят нам о Родине вечной, Родине небесной... «Скучает душа моя по Тебе, Господи!»

Колокольные думы и диалоги

Иногда после звонов не хотелось уходить, покидать храм и все это намоленное пространство вокруг храма и внутри колокольной беседки. «Звонарской келейкой» – часто называл ее звонарь. Дел, как всегда, накапливалось немало.

Старик доставал из сумки щетки, губки, лоскутки от старых полотенец, другую ветошь и начинал уборку. Тщательно протирал железную стойку, на которой были закреплены его любимцы, потом начищал до блеска сами колокола. Бронза сияла в лучах нежаркого осеннего солнца.

Ветер заносил в беседку немало опавших листьев, а из-под педали колокола-Благовестника время от времени показывали свои серые шляпки грибы поганки, прорастающие в самых неподходящих местах.

Уборка обычно затягивалась надолго. Колокола смотрели на своего заботливого друга, пытались вслушаться в его сердце. «Нас семеро, нам хорошо вместе, – думали они, – а он один. Всегда один. И уходить не спешит... Может быть ему некуда идти? И никто его не ждет?..»

Средним и маленьким колокольчикам становилось грустно, сердце сжималось от жалости. «Вот, мы висим здесь – такие разные – и по весу, и по размеру, а уж о голосах-то наших и говорить нечего! И высокие тенора, и средние альты, и низкий бас... А как зазвучим все вместе – так о на-

шей дружбе тут же все и узнают! Потому что поддерживаем и дополняем друг друга: иногда оттеняем кого-то одного из нас, иногда сливаемся воедино, а чаще бежим друг за другом, друг за другом и... наперегонки!»

Тихо вздыхали зазвонные, самые малые колокольчики. «А кто же дополняет и поддерживает старого звонаря, кто ему поет в утешение, когда нас нет?..»

Совета просили у своего старшего и мудрого брата Благовестника. Что делать? Чем помочь человеку быть не таким одиноким?

К слову сказать, звонарь никогда не жаловался на свою жизнь. А во время длинных уборок рассказывал колоколам всякие человеческие истории. Им нравился его тихий голос, неспешная речь, и, особенно, его характерный тембр и интонации. Ни у кого другого не слышали они такого голоса!

В звонарских рассказах колокола всегда улавливали смутную грусть и затаенную надежду. Но о причинах могли только догадываться. Поэтому и просили Благовестника придумать что-нибудь и порадовать старого друга.

Как же они все старались, когда наступал час звонить на службу! Сколько души и чистого сердца вкладывали в каждый звон, каждую трель. Какими четкими и законченными получались форшлагги, как своевременно вплетались триоли и синкопы, каким благородным и звучным аккордом завершалось колокольное песнопение!

Быстро и сосредоточенно втекал людской поток под сво-

ды Храма. Время молитвы, время врачевания душ... И колокола были сосредоточены и сдержаны.

А по окончании молитвы, после службы, все немного расслаблялись, успокаивались. Заметно веселел и старый звонарь. Колокола тоже позволяли себе усложнить игру, украсить и разнообразить звон различными рисунками и ритмами. Всем было так хорошо!

Но у колоколов было свойство не отступать от задуманного. Поэтому они продолжали размышлять о жизни Друга, и в тоже время вглядывались в лица других людей, проходящих в храм. И что же? У многих в глазах они замечали всю ту же человеческую грусть... Даже у тех, кто не был одинок, как их звонарь, скорей наоборот – эти люди были окружены другими людьми, большими и маленькими, молодыми

и не очень...

«Странные, странные люди...» – выплывали наружу наивные колокольные мысли, медленно и тихо вливаясь в белые облака. «Добрые, славные колокола, – думал старик, заканчивая работу, – вот и прожили мы с вами еще один день...»

После всех трудов и уборок звонарь прощался с колоколами, читал про себя «Достойно есть», совершал земной поклон, и, перекрестившись, уходил вдаль, за церковную ограду.

* * *

Однажды, проводив своего любимого звонаря Иннокентия, колокола вдруг разговорились между собой. Их охватили воспоминания.

Благовестник: – Я самый старый валдаец. Помню еще как матушка Пелагея Ивановна, владелица Усачевского завода аж с 1875 года, заботилась обо мне, тогда еще молодым, только что отлитым на ее заводе колоколе. Многие приходили к ней, прося ее отдать меня на их колокольни. Но отдала меня матушка, царствие ей небесное, в исключительно хорошие, по ее мнению, руки. Одному из лучших звонарей на Валдае, служащему в храме Николы Угодника!

Средний, подзвонный колокол: – Да, братец, я ведь тоже валдаец. Наша дружная четверка, – он обвел глазами все старинные колокола на звоннице, – всегда звучала в Новгород-

ской епархии в традиции русских северных звонов, отличающихся своей размеренностью, степенностью, распевностью и узорчатыми переливами...

Свежеотлитые колокола – зазвонная группа: – Какой восхитительный рассказ! Никогда я не был на Валдае, – вздохнул самый маленький и самый звонкий колокольчик.

– Ты, малыш, не переживай! – вступил в разговор соседний колокол (из новых, свежеотлитых). – Мы все (пусть нас всего трое), – москвичи! И у нас есть своя замечательная «московская традиция» звонов. «Московские перезвоны» славятся своей быстротой, плясовыми подвижными ритмами, оптимистическим настроем и особой звонкостью!

– «Валдайцы и москвичи! – вдруг обратился ко всем самый большой, старый Благовестник, – завтра, в воскресенье, 20..... года, – Благовестник смахнул слезу (-Надо же! До 3-го тысячелетия дожил!) – нам с вами предстоит играть совместный концерт для прихожан нашего храма города Гельсингфорса. Так, тряхнем же стариной, славные мои валдайцы! А „москвичам“ – в добрый колокольный путь и счастливого звона!»

Все колокола ответили дружным одобрительным звоном. А потом вдруг заспорили совсем на другую тему.

Кто важнее?

Зазвонная группа. Три колокола.

Первый колокольчик:

– У меня такой высокий и красивый голос, с меня часто начинается весь звон. Наверное, я здесь самый необходимый колокольчик.

Третий колокольчик:

– Ну, ты сказал! Мы с тобой почти всегда вместе звоним. Вспомни: «Крайние – нижний-нижний-нижний удар, средний – пропуск!» Звон по московской традиции. У меня звучание пониже и покрасивее. Так что не ты, а я самый необходимый колокольчик.

Средний колокольчик:

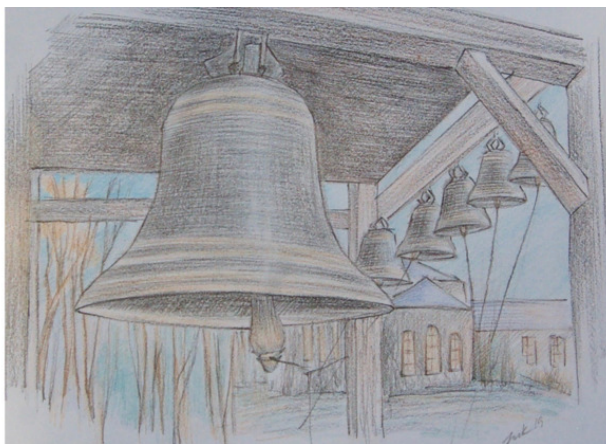
– Извините, друзья! Я формирую почерк звона, если даже и ценой своих пропусков. Зато – какие форшлагги я даю, как мной только одним и управляют, когда производят верхний удар в трели! Нет, у меня самая важная функция на звоннице!

Подзвонная группа. Три колокола.

Самый тяжелый из подзвонных:

— Вы маленькие колокола, а потому наши меньшие бра-

тъя, хоть и исполняет на вас звонарь самые интересные рисунки, и зазываете вы людей, и привлекаете их внимание... Зато вы просто висите на балке и к вам прикреплены обычные, ничем не примечательные веревочки... А мы прикрепляемся при помощи струн (!) к специальному столбику по левую руку звонаря. И вносим настоящее разнообразие в колокольный звон. Именно наши ритмические рисунки и определяют традицию колокольного звона: Ростовскую, традицию Новодевичьего монастыря или Суздальскую, или Ярославскую... Их много, традиций. А нас всего три. Вот, и наша значимость очевидна. Разве не так? Скажи ты нам, Благовестник? Что же ты все молчишь и молчишь? Колокола встрепенулись, переглянулись и все посмотрели на самый большой и молчаливый Колокол на всей звоннице.

Благовестник:

– Да что вы, братья! Что я вам могу сказать! Я же под ногой у звонаря: мерные одиночные удары – вот все, что я могу! А вы трезвоните, вы заливааетесь трелями, от вас идет вся красота! И не спрашивайте меня...

А зазвонные и подзвонные колокольчики вдруг низко опустили свои золотистые головки. «Благовестник – это ведь главный колокол. Он несет Благуя Весть, первый сообщает о начале богослужения и первый отмечает все его главные моменты! Он же Благовестник!» – так или очень похоже подумали все другие колокольчики, вместе или поочередно, один за другим. Как бы там не было, но им вдруг стало очень стыдно и неудобно из-за своего спора «кто важнее?». И они с удивлением и радостью еще раз посмотрели на колокол Благовестник и решили тоже исполнять свой долг тихо (хотя и со звоном) и без лишних громких слов.

Ночной зазвон

Никто не слышал, как глубокими осенними ночами на церковном дворе грустно позванивали маленькие колокольчики. Человеческого жилья поблизости не было. Вокруг храма уютилось кладбище, а сосновая аллея, начинавшаяся прямо за калиткой, вела на морское побережье.

Холодное северное море сливалось с ночным небом и были неразличимы. Только иногда море выдавало себя неожиданными всплесками: то ли от дуновения полусонного ветра, то ли от собственных беспокойных сновидений.

Вздрагнет море, волны, точно мурашки по телу, взволнуют поверхность, и снова выравнивается морская гладь, и смыкаются крепким сном усталые глаза...

Белки и зайцы в обилии населяли весь сосново-березовый мир неподалеку, а также буйно разросшиеся кустарники на пригорках. Сейчас эти зверьки спали без задних ног, намаявшись за день в поисках пропитания, в вечном беге по аллеям и отчаянных прыжках сверху вниз и снизу вверх по высоким стволам.

Даже неугомонные чайки, со своими несмолкаемыми гортанными переговорами, вдруг затихли, замерли до утра, собравшись в кружок и согревая друг друга.

Чей же сон был крепче всех? Укрытые беседкой, защищенные стенами родного храма, мирно почивали средние

и большой колокола. Они не страдали бессонницей и с наступлением позднего часа мгновенно проваливались в свои удивительно мелодичные сны.

А вот у чутких и нежных зазвонных колокольчиков сон наступал нескоро и был очень-очень тревожным. Снился ли им старый звонарь, странную и непонятную жизнь которого они пытались разгадать даже во сне? Или еще что-то волновало их отзывчивые и бесхитростные колокольные сердечки...

Но просыпались они часто, смотрели печально друг на друга и тихо позванивали, стараясь не разбудить старших братьев. Просто в эти ночные минуты звоны сами рвались из души, выражая грусть и смятение...

Ночное время было не только для сна. Где-то в городе потерялся многоокий большой дом, похожий на все другие дома по соседству. Только те дома спали, а этот словно одноглазый великан смотрел в ночь одним светящимся оком.

В звонарской комнате горела лампадка. Освещались все лики и образа небольшого иконостаса в красном углу. Звонарь стоял на коленях. Рядом стопкой лежали простые школьные тетрадки, все исписанные людскими именами.

Молитва наполняла ночь. Звуков не было, но тишина становилась живой и осмысленной. Время растворялось в воздухе, и кусочек вечности проникал в комнату.

«Господи помилуй – Господи помилуй – Господи помилуй...»

Неизвестно, как долго продолжались ночные бдения, только в доме делалось теплее от горячей молитвы, и все четче и ярче прорисовывались лики святых на старых иконах.

За окном просыпался день. Неожиданно наступала минута, когда сплошное темное небо сначала сереет, потом светлых полосок становится все больше и больше, и в серовато-белесом цвете вдруг проступают очертания соседних домов и причудливые силуэты безлистных деревьев. Рассвет постепенно набирает силу и уступает место новому осеннему дню.

«Покров, сегодня Покров день, любимый осенний праздник!» Звонарь торопился на утреннее богослужение. Уличные звуки привычным трезвоном оглашали окрестности: дзынь-дзынь – пробежал по рельсам зеленый трамвай; у-у-у – просигналила нетерпеливая поливальная машина; тук-тук – простучали по асфальту тонкие женские каблочки...

Колокола ждали звонаря. «Сегодня Покров, – радовались они, – такой праздник... Пора звонить к началу!»

Фигура в длинном плаще приближалась к звоннице. Старик шел бодрым шагом, и уже издали передавались колоколам его энергичная поступь и боевой настрой.

Вскоре всю округу затопили призывные колокольные звоны. «Покров день-Покров день-Динь-динь!» – торжественно вещал благовестник... Средние и малые колокола готовились к своему вступлению. Теплые руки звонаря крепко держали управление...

Куда улетает звон?

За церковной калиткой стоял мальчишка и слушал колокольные звоны. Он знал, что в эти часы его никто не обнаружит, можно спокойно слушать, даже прогуливаться вдоль ограды и размышлять. На вид ему было лет двенадцать. Резиновые сапоги по осенней погоде, заливчатый шарф, как-то по-особенному закрученный и завязанный на шее, весело раскрашенный рюкзачок за спиной. В руках у паренька был поводок, которым он невольно отбивал такт по своему колену, вслед за колоколами. Собаки поблизости не было видно.

Размышления у мальчишки были не сложные и вполне соответствовали его юному возрасту и пытливому уму.

«Куда уходит этот звук? Такой сильный и протяжный, такой большой... и почти бесконечный... – Он подбирал и не находил слов. – До какой, интересно, высоты, он долетает? До тех верхушек деревьев или выше? До облаков доберется или нет? Вряд ли, наверно не дотянет!..»

Подросток часто по субботам и воскресеньям приводил свою любимую собаку в эту сосновую аллею и прогуливался с ней к морю. Лопухий друг его с охотой гонялся за чайками на берегу, но стремился не догнать их, а просто попугать, даже поиграть с ними. Чайки не могли разгадать игрового настроения добродушнейшего пса и с недовольными криками перелетали с места на место.

Хозяин пса наблюдал за этими гонками, представлял себя в роли преследователя кого-то поопасней, чем чайки, слушал залиvistый лай, перемешанный с тревожными птичьими голосами... И однажды, не сразу отличил в этих звуках еще что-то, а точнее медленно вырастающий над всеми шумами особый звук, очень объемный, с непередаваемыми красками. Волнующий гулкий звон будто бил по сердцу.

Невольно захотелось пойти навстречу этому звону и посмотреть из какого места он доносится. Так впервые мальчишка столкнулся со звучащими по-особенному русскими церковными колоколами.

Как в первый раз, так и во второй, и в третий... и сколько уж их было и не сосчитать, паренек не решался перейти ту грань, которая разделяла привычную прогулочную тропу

и тот мир, который скрывался за оградой. Очень таинственный, непонятный и в то же время интересный и притягательный!

Поэтому он большую часть своей прогулки, оставляя увлеченного чайками друга на берегу, сам стоял около калитки или бродил вокруг ограды, из-за которой лились эти бередящие душу звуки.

Чего хотел мальчишка? Точно он и сам не знал. Конечно, интересно было бы войти т-у-д-а, посмотреть, потрогать эти чудо-колокола... Но ему становилось как-то не по себе, когда из-за калитки выходила высокая фигура в сером плаще. Лицо старика показалось ему очень суровым и неприступным. Сам паренек в это время стоял боком к калитке с самым независимым видом, а потом стал свистом вызывать с берега свою собаку.

Старик вначале не обратил на него никакого внимания, и потом, казалось, тоже не обращал. Так решил мальчишка, бережно храня свою тайну. Он уже знал примерно, когда откроется эта калитка, и появится серый плащ, поэтому успевал скрыться за широкими бронзовыми стволами высоченных сосен. Березы так хорошо не укрывали его худенькую фигуру.

Наивный чудак! Звонарь его давно заметил, даже почувствовал, что мальчику не хочется быть обнаруженным и решил до поры до времени его не тревожить. «Такие сами приходят!», – улыбался он самому себе, а мысли ныряли куда-то

вглубь, вычерпывая из памяти воспоминания за воспоминаниями, картинки из прошлого, чаще из далекого прошлого, как это часто и бывает у стариков...

Он ведь тоже стоял когда-то подолгу у той колокольни, откуда первый раз услышал звоны местного приходского звонаря. И билось сердце, и не хотелось уходить, а подняться на колокольню было страшно, да и кто бы разрешил ему...? «Что же делать?!» – сам собой вырывался наболевший вопрос.

«Посади саженец деревца, сынок!, – вдруг обратилась к нему в такой момент какая-то старушка в платочке, одна из тех, кто всегда хлопочет на церковном дворе и бегает туда-сюда после службы. Возможно, она по слепоте своей приняла его за одного из мальчиков-алтарников.

– Поднимись, голубчик, к Палычу на колокольню, он тебе все покажет...! Наш незаменимый – и звонарь, и садовник», – это она произнесла уже себе под нос, так, что никто не слышал ее последней реплики.

А после этого случая у местного звонаря появился ученик...

Неожиданно громко просигналила машина и резко затормозила. Старик очнулся и тут же потерял канву воспоминаний. Он чуть было не попал под машину...

«Выбрался, старый! Благодарю Бога...! – пробурчал он самому себе. – Про веревку-то и забыл!» Ему надо было приобрести крепкую не тянущуюся веревку для связки зазвон-

ных колокольчиков, и он решил зайти в хозяйственный магазин.

«А видел ли я еще когда-нибудь ту старушку в платочке, благотельницу мою? Или нет...?» – пронеслась в голове обрывочная мысль и погасла. Дверь магазина хлопнула, поглотив высокую и чуть сутулую фигуру звонаря.

* * *

Конечно, в этой заметке Милка имела в виду Антуана, сына Мирки, которого очень любила. Мальчик не говорил по-русски и очень смущался, когда не мог объясниться на этом языке. Он действительно стал приходить и слушать звонны старого звонаря. Колоколов было много, а Милка всегда звонила только в один Благовестник. Антуан хотел, но от стеснения не мог переступить порог церковного двора. Милка поговорила с Миркой, а Мирка поговорила со своими родителями, и план был составлен.

Первое знакомство

Прозвучали благовест и трезвон к литургии. Православный храм наполнился людьми.

Звонарь стоял неподалеку от выхода, поближе к своей наземной звоннице, хотя времени до следующего звона было вполне достаточно. Но это уже застарелая привычка старика еще с тех времен, когда он выполнял послушание помощника звонаря в Лавре.

Сколько же лет тому назад это было...? Целая вечность!

Во время длинных лаврских богослужений молодой звонарь всегда находился в притворе церкви, рядом с крутой высокой лестницей на колокольню. Он уже хорошо знал порядок, устав службы и те моменты, когда надо было стремглав взбежать по лестнице к своим колоколам и начать звонить в нужную минуту. Чувствовал он по времени и тот период, в который звоны продолжались, поэтому безошибочно мог и закончить их. Но правила у звонарей были особые, на память не всегда можно было рассчитывать, поэтому в определенное время начала и конца звона на колокольне зажигалась сигнальная лампочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.